

Т 69 К 53 726
К 59

*Козы Корпеш
и Баян-слу*

*Козы Корпеш
и Баян-слу*

Козы Корпеи и Баян-слу

*Казахская народная
лиро-эпическая
поэма*

*Прозаическое переложение
Сатимжана Санбаева*

*Алма-Ата
„Жалын“
1984*

Рецензент Е. Д. Турсунов

К 59 Козы Корпеш и Баян-слу: Казахская народная лиро-эпическая поэма/Прозаическое переложение С. Санбаева.— Алма-Ата: Жалын, 1984.— 48 с.

Козы Корпеш и Баян-слу — наиболее распространенная лирическая поэма казахского народа. Первая запись одного из ее вариантов была сделана д-ром А. С. Пушкина и сохранилась в его архиве. В конце прошлого века известный исследователь Центральной Азии и Казахстана Г. Н. Потанин писал:

«...Любимая повесть, которую знает вся степь от Оренбурга до Зайсана, верх казахской этники, это история красавицы Баян-слу, которая влюбилась в Козы Корпеша...»

Взволнованный рассказ о трагической любви, передававшийся на протяжении столетий из уст в уста и сравниваемый теперь со знаменитой историей любви Ромео и Джульетты, выдержал несколько изданий на казахском и русском языках.

Читателю предлагается прозаическое переложение этой лиро-эпической поэмы.

4803000000—250

К 409(05)84 219—84

82. ЗКаз.

© Издательство «Жалын», 1984

В бескрайних степях Балталы-Баганалы, что весной разодеты в цветной шелковистый наряд, а летом покрыты ровной зеленью трав, где по утрам гуляет ветер нежный, ласковый, а в полдень — игривый, быстрый, рассказывают, проживали в давние времена два богатых человека — Карабай и Сарыбай.

Поселились они в этих краях недавно: оба перекочевали в Балталы-Баганалы не в поисках пастбищ для своих многочисленных табунов и стад, а бежали от злословия людского, не щадящего ни слабого, ни сильного. Не дал им всевышний детей, хотя одарил неисчислимым богатством, и люди смеялись над Карабаем и Сарыбаем, жизнь которых уже клонилась к закату. Терзаемые горькой обидой на глупость сородичей и несправедливость создателя, откочевали Карабай и Сарыбай из своих родных мест.

В степных просторах шла молва о бесчисленных богатствах пришлых баев Карабая и Сарыбая.

С раннего утра, когда угасает последняя звезда ночи, до позднего вечера, когда степь высвечивает луна, на самом быстром коне не объехать многочисленные табуны Карабая: в них лошади одна к другой, масть к масти, крепкой стати, удивительной резвости. Не сосчитать в течение года тысячных стад и отар Сарыбая, заполнявших долины.

Девяносто тысяч лошадей имел Карабай, но не было в его доме сносного чапана, в котором не зазорно было бы показаться на глаза людям.

Белели, как легкие облака, юрты Сарыбая, в них —

златотканные наряды, драгоценные камни, оружие тонкой работы, ковры неопишуемой красоты.

По-разному повели себя на новых местах Карабай и Сарыбай. Так уж принято у степняков, что местные жители оказывают прикочевавшим аулам всяческие почести, зазывая новых соседей в гости и щедро угощая; приезжие в свою очередь приглашают к себе аксакалов и одаривают их подарками.

Карабай побывал у хозяев в гостях, но пожадничал и ничем не одарил даже самого уважаемого аксакала.

Зато Сарыбай, не в пример Карабаю, пожаловал подарками всех, не обойдя даже бедных пастухов и нищих.

Увидев щедрость Сарыбая, люди в один голос пожелали иметь его своим правителем.

— Правь нашей страной и верши всеми ее большими и малыми делами! — сказали они Сарыбаю. — Не будем мы оспаривать твои деяния, не будем на тебя обиде.

Распознали степняки своих новых соседей; смеялись над ненасытной жадностью Карабая и, напротив, всем пришлась по душе щедрость Сарыбая.

Но сказ наш будет о двух влюбленных — Козы Корпеше и Баян-слу, об их высокой мечте и горькой правде.

Однажды вышел Карабай из юрты, оседлал любимого белоснежного скакуна и помчался по степи: показалось мало ему своего достатка, решил поживиться на охоте. Долго скакал он по горам и долам, и лишь когда усталость навалилась на плечи, навстречу выбежала маралиха удивительной красоты. Застыла она, дрожа округлыми боками, на гранитном уступе — рукой подать до нее, но пока Карабай целился из лука, маралиха исчезла, растаяла в вечерней дымке. Огорчился Карабай неудаче, спешился, стреножил коня, а сам улегся на траве. Спускались сумерки.

— Никуда она не денется, — утешал старик сам себя. — Завтра наверняка станет моей добычей.

В ту пору находился на охоте и Сарыбай. Поднималось утро, степь, укрывшись легким туманом, словно

невеста фатой, была покрыта нежными цветами. Увидел Сарыбай белого как снег коня, одиноко застывшего у гранитного уступа, подъехал поближе, смотрит — лежит на траве старый человек.

— Кто ты будешь? — участливо спросил, склонившись над ним, Сарыбай. — Солнце поднялось уже высоко, а ты лежишь с видом человека, потерявшего в жизни всякую надежду. Поведай мне о своей печали, может, смогу я чем-нибудь помочь тебе.

— Судьба жестоко обошлась со мной, — сокрушенно вздохнул старик. — Мне восемьдесят три года сейчас, но всевышний не дал мне детей. Нет опоры у меня, нет надежды в жизни.

— Не отчаивайся, брат, — молвил Сарыбай, вздохнув в ответ. — Никогда не поздно ждать детей и достатка. Быть может, создатель сжалятся над тобой. Мне уже семьдесят пять, и моя судьба не легче твоей. Но я привык не роптать на свой удел.

— Ты еще молод, — молвил Карабай.

— Но и ты не стар, — улыбнулся Сарыбай.

Разговорились Карабай и Сарыбай, поведали друг другу о своих думах и решили стать друзьями. Немало общего оказалось в их жизни, главное — у обоих не было детей и старики тосковали по ним. И решили они, следуя обычаям предков, породниться, если жены их родят детей.

— Если сыновья будут у нас — пусть растут как родные братья. Если будут дочери у нас — пусть растут как сестры. Если же появятся на свет у одного сын, а у другого — дочь, пусть, когда вырастут, станут они женихом и невестой. Мы поженим их без калыма.

Друзья поклялись друг другу в исполнении обета и скрепили союз, выпив по чашке малта¹. Потом вскочили на коней и помчались по степи. Весел, безудержен был в тот день Карабай, но, против обыкновения, почему-то грустен, немногословен был Сарыбай.

— Вчера я упустил маралиху, — вспомнил вдруг

¹ М а л т а — остатки курта, не растворившегося в бульоне; малта жесу — дать друг другу клятву.

Карабай.— Встретились нос к носу, и я не успел выпустить в нее стрелу. От старости, похоже, слабее стали глаза. Доставь мне радость, мой друг! Перекинь через мое седло эту маралиху.

— Хорошо, добуду я тебе маралиху,— пообещал Сарыбай.— Глаз мой зорок и рука тверда. Только где мне ее искать?

— Я знаю где!— воскликнул Карабай, огрев коня камчой.— Добудь мне ее, и я поверю в верность твоей дружбы. Мне добыча к лицу. Вот она, та самая маралиха. Стреляй же быстрее!

Снова выскочила им навстречу маралиха редкой красоты, поводя округлыми боками, стала на расстоянии полета стрелы. Сарыбай вмиг выхватил лук: на тугую тетиву легла поющая стрела. Но взгляделся Сарыбай в маралиху и опустил лук.

— Не могу стрелять, мой друг, не вынуждай!— взмолился он.— Ты видишь, это — самка, и она ждет детеныша. Поощадим материнство!

— Охотник без добычи, говорят, посмешище для людей. А тут добыча сама идет нам в руки. Убей маралиху в мою честь!

— Не вынуждай меня быть жестоким!— снова взмолился Сарыбай.— Прошу тебя ради счастья наших будущих детей!

— Жизнь какой-то маралихи ты ценишь выше просьбы своего друга? Вот какова цена твоей клятвы! Зря я тебе поверил.

Пропела стрела, упала маралиха.

Карабай вне себя от радости подбежал к раненой маралихе, одним ударом короткого ножа распорол ей, еще живой, брюхо. Извлек из чрева маралихи двух детенышей и рассмеялся довольно, предвкушая вкусное блюдо из нежного мяса маралят.

Опустился вечер, и степь, тихо грустя о солнце, погрузилась в сумерки; потом пришла ночь, роса блеснула на травах; затуманилось озеро Балталы, загомонило лягушачьим криком, зашелестело камышом; все вокруг словно ждало чего-то...

Утомленные быстрой ездой охотники остановились

на отдых у небольшого родника. Весел, оживлен был Карабай, но тревожно было на душе Сарыбая.

— Послушай, друг!— молвил он Карабаю.— В этой встрече с маралихой я предвижу злой рок. Словно что-то вешее заставило меня просить тебя пощадить зверя. Чует мое сердце — недолго осталось мне жить на белом свете. Стрела судьбы обращена на меня.

— Перестань напрасно себя тревожить,— отвечал ему беспечно Карабай.— Отбрось мрачные мысли.

— Нет!— покачал головой Сарыбай.— Я чувствую — натянулась тетива... Хочу просить тебя быть опорой моему дому. Наши жены ждут малюток... Обещай мне, что исполнишь нашу клятву.

В это время откуда-то появился маленький степной жаворонок и опустился на голову Сарыбая. Посидел на его шапке, потом взлетел и сел на шапку Карабая.

— Это добрая примета!— воскликнул радостно Карабай.— Всемогущий услышал нас и благословляет нашу клятву!

— Нет!— вздохнул печально Сарыбай.— На меня первого жаворонок опустился, меня он выбрал из нас двоих и тебе дал знать об этом. Ты навлек на меня возмездие злое. Прошу тебя снова: случится со мной беда, не забудь о моей семье...

— Не беспокойся, друг мой!— ответил ему Карабай с напускной бодростью, хотя и почувствовал недоброе в предсказании Сарыбая.— Ничего с тобой не случится. Не беспокойся. Обещаю тебе сделать все так, как ты просишь. Знай, Сарыбай: для недруга я — высохший арык, но для друга — полноводный родник.

Друзья свершили вечернюю молитву и поехали домой. Ехали не торопясь, чтобы дать остыть скакунам, уставшим за день от непрерывных скачек, беседа не ладилась, несмотря на все старания Карабая.

Неожиданно впереди, со стороны аула, показался всадник, мчавшийся во весь опор.

— Это, наверное, гонец!— догадался Сарыбай.— Чует мое сердце! Да, да, это скачет Тазша!¹

¹ Т а з ш а — плешивый мальчик.

Подлетел всадник с радостным криком, конь его, разгоряченный, закружил перед Сарыбаем и Карабаем.

— Суинши! Радостная весть!— замахал рваным малахаем плешивый пастушок из аула Сарыбая.— Достопочтенный Сарыбай, жена твоя родила сына, ясному месяцу подобного!

— О творец! Хвала тебе!— просиял Сарыбай.— Радостную весть принес ты, Тазша! Ничего не пожалею для тебя! Получишь от меня девять подарков!¹

Невиданная радость охватила старого Сарыбая, понесла его, словно на крыльях: ликующие возгласы, неистовый топот копыт, пена на груди скакуна...

— погоди, друг!— закричал ему вслед Карабай.— Загонишь коня. Обожди меня..

Но Сарыбая уже невозможно было остановить. Видно, судьба его легла на чашу весов, злой рок гнал его коня. Конь на полном скаку споткнулся, Сарыбай вылетел из седла и ударился головой об острый придорожный камень.

Подоспевший Карабай соскочил с лошади, поспешил на помощь, но было поздно. Сарыбай лежал бездыханный. Жалко стало Карабаю бросать добычу, притороченную к седлу, и он оставил Сарыбая в степи. От мертвого нет никакого проку, а туши маралихи да двух маралят все-таки пожива...

Не проехал Карабай и половины пути к своему аулу, как повстречал старуху, спешившую ему навстречу.

— Суинши! Радостная весть, достопочтенный Карабай!— простирая к нему худые руки, заговорила она.— Жена твоя родила дочь, краше звезды небесной! Суинши!..

— Слава всевышнему!— прослезился Карабай.— От дурных слов — горечь в груди, от добрых — ясность в голове! Прочь с дороги, старая, дай проехать!

— Суинши, достопочтимый бай!— зашамкала ста-

¹ По казахскому обычаю, подарки из девяти предметов — знак высокого уважения.

руха, скривив лицо в плаче. — В этой жизни ты богат, а я — бедна. Суинши! Всевышний одарил тебя дочерью, а ты вознагради меня за радостную весть хотя бы чапаном!

— Прочь с дороги! Прочь! Вот тебе суинши!.. Вот тебе чапан — насытишься сполна!

Карабай в гневе стал охаживать бедную старуху камчой-восьмиплеткой до тех пор, пока несчастная со стоном не уползла к развалинам какой-то лачуги.

— Ты пожалел мне чапан, скряга Карабай! Я спешила к тебе с радостной вестью, а ты отблагодарил меня камчой. Будь проклят до конца своих дней, Карабай. Не видать твоим детям счастья.

Карабаю не было дела до старухи и ее проклятий. Он скакал домой во весь опор. По пути Карабай встретил большой купеческий караван, купил десять чапанов: пусть люди видят, сколько у него чапанов, и лопнут от зависти.

Карабай устроил той и дал дочери имя Баян. На радостях он объявил во всеуслышанье о клятве, которую дал Сарыбаю, и стал собираться в путь, чтобы проведать новых родственников. Теперь, когда не стало Сарыбая, могло случиться так, что богатством свата завладеет он, Карабай. Бай распорядился наполнить кумысом девяносто саба¹ и навьючить их на девяносто могучих одногорбых верблюдов — нарсов. А для себя велел оседлать любимого белоснежного скакуна.

Недалеко от аула Сарыбая Карабай остановил караван и направился в аул один. Спешился он у шестикрылой белой юрты, вошел в дом, увидел в полутьме ребенка и оторопел: ребенок был месяцу ясному подобен. Показалось ему, что сын Сарыбая отмечен роком, потому что на голове у него был золотой чуб, излучавший сияние. От такого добра не жди... Выбежал Карабай из юрты, вскочил на коня, бросился прочь. От страха он полоснул ножом все девяносто кожаных мешков, и белый кумыс, предназначавшийся для поминания Сарыбая, залил широкую долину.

¹ С а б а — бурдюк из конской кожи для кумыса.

Жена Сарыбая не дождалась с охоты мужа и обратилась за помощью к бию Тайлаку. Аксакал и сам понимал, что с Сарыбаем случилась беда, если он не приехал домой, услышав от Тазши счастливую весть. Он кликнул самых быстрых гонцов и велел им скакать во все стороны света — на север и юг, на запад и восток. Велел бий Тайлак двенадцати музыкантам и певцам сопровождать гонцов. Долго они ехали по степи, как вдруг в пустынной долине у гранитного уступа наткнулись на Сарыбая, лежавшего с окровавленной головой. Первым его увидел тот самый Тазша, который сообщил Сарыбаю весть о рождении сына.

— Ростом ты мал да проворен больно, Тазша! — вздохнул бий Тайлак, убедившись, что Сарыбай мертв. — Везде-то ты поспеваешь и всюду суешь свой нос. Не дал тебе всевышний ошибиться хотя бы на этот раз. Иди и сам сообщи госпоже черную весть.

— Благослови меня в путь, мудрый бий Тайлак! — обратился Тазша к старику, скорбно застывшему у тела Сарыбая. — Незавидная мне выпала судьба, быть черным гонцом.

Жена Сарыбая места себе не находила, томилась возле юрты в ожидании вестей. Тревожно было у нее на душе, словно чувствовала беду. На Тазшу, въехавшего в аул на своем шелудивом стригунке, она даже не обратила внимания.

— Милая госпожа, не гневайся на меня за мою дерзость! — предстал перед ней Тазша. — Я позволил себе нарушить твой покой, хотя дорожу твоим расположением...

— А, это ты, Тазша? — сказала жена Сарыбая. — Время твое проходит в праздной болтовне, хотя создатель не обделил тебя умом. Знаешь только носиться по аулам на шелудивом стригунке, вместо того, чтобы показать себя в деле. Говори, что у тебя на душе? Уж больно издалека начал...

— Этой ночью проснулся я от страха, показалось мне, что всю землю окутала тьма, а с головы моей скатилась шапка. Я наклонился за ней и — проснулся.

— Скатилась с головы шапка? Богатым станешь,

плешивец. Есть будешь досыта отныне: молиться всевышнему и бить ему поклоны — таков удел богача...

— А потом почудилось, будто сокол мой лучший улетел, сорвавшись с привязи шелковой.

— Сокол улетел? Улетел он за куропаткой. Ишь, что задумал плешивец: испытать меня загадкой...

— Но взлетел-то он внезапно? И пропал в небесной сини...

— Значит, стремителен путь народа и мудр его повелитель.— Она с печальной усмешкой оглянулась на слуг, притихших рядом.— Нечистая принесла тебя, Тазша, сегодня... В речи твоей таится какой-то обман.

— Приснилось, будто уносит меня на стремнине и нет мне спасения...

— Я же сказала: разбогатеешь скоро!— нахмурилась жена Сарыбая, зорко следя за Тазшой.— Тонул ты в нужде и горе. Но все уже позади, все тобой пережито вчера.— И добавила тихо:— Неспроста ты явился, плешивец, с утра болит у меня душа.

— И тебе немилы станут солнце и луна, но терпенье и выдержка истари были опорой в беде, господа!— продолжал свое Тазша.— Пусть младенец твой вырастет подобно кречету, стремительно ушедшему высь. В сыне единственном своем найдешь ты отныне достойную опору.

— Не плачу я, несчастный плешивец!— скрепя сердце, промолвила вдова.— Чужало мое сердце... Веди меня к нему... На то место, где его настигла стрела судьбы.

Не потеряла вдова мужества в трудный час, понимала: все смертны в этом мире и слезами не вернуть в мир живых Сарыбая. Попросила она бия Тайлака доставить на верблюдах юрты и предать тело Сарыбая земле на том месте, где он погиб.

Бий Тайлак оповестил все аулы о поминках, согнал тысячи голов скота и устроил небывалый поминальный пир. Следуя обычаю, заведенному в ауле Сарыбая, бий Тайлак никого не отпустил без подарка. Никто не остался обделенным, и каждый славил покойного Сарыбая и желал счастливого будущего его единствен-

ному сыну. На скачках, устроенных в память о Сарыбае — достойном правителе Балталы-Баганалы, — принимали участие пятьсот лучших скакунов края, каждый из которых был украшением табуна. И пришел первым, обогнав соперников на целую версту, рыжий скакун бия Тайлака — конь прекрасной стати и удивительной резвости.

К концу поминок вдова Сарыбая одарила подарками бедняков и сирот, и те пожелали ее единственному сыну удачи на жизненном пути.

Вместо радости в аул Сарыбая пришло горе, вместо веселых песен белую юрту огласили безутешные рыдания. Под горькие стенания родных и близких протекали первые часы новорожденного Козы Корпеша — так называли сына покойного Сарыбая, что означало «поздно рожденный ягненок».

Карабай не приехал на поминки. Своим поступком он навлек на себя презрение людей. Но ему, как всегда, не было дела до того, что о нем думают люди. Карабая в эти дни занимали другие мысли: он все чаще размышлял о клятве, которую опрометчиво дал Сарыбаю на охоте. Нежное мясо маралят застревало у него в горле при мысли о том, что ему придется выдать свою единственную дочь Баян за сироту Козы Корпеша.

«На мою погибель он появился на свет, — думал он о сыне Сарыбая. — Ведь он, не успев родиться, стал причиной смерти отца!.. Породнишься с таким, потом хлопот не оберешься».

Карабай становился все мрачней, стал срывать свое зло на близких.

— Безрассудно я поступил, объявив во всеуслышание о клятве! — корил он себя изо дня в день. — Несчастлив будет союз наших детей! Надо откочевать подальше от аула Сарыбая! Иначе я потеряю все!..

Жена возражала Карабаю, не соглашаясь с его решением, но богач стоял на своем:

— В народе говорят: судьба слепа. Почему же мы, люди, должны следовать у нее на поводу? Да и мало чести отдавать единственную дочь за сироту. Надо откочевать подальше от аула Сарыбая.

— Всевышний карает клятвоотступников, — сказала Карабаю жена. — А суд его суров! Ты погубишь не только себя, но и дочь. Будь благоразумен, не навлекай на себя и ближних гнев божий.

Карабай промолчал, сведя хмурую бровь, потом распорядился разобрать юрты и готовиться к откочевке.

— Пусть Козы Корпеш и Баян не встречаются друг с другом, — подумал он про себя, садясь на любимого белого скакуна. — А там, глядишь, люди забудут о моей клятве. И тогда я выдам дочь за человека, который сможет заплатить мне калым.

И под разными предлогами: здесь трава пошла плохая, не нагуляет жира скот, там вода ушла под землю, неприятна на вкус, — Карабай стал откочевывать все дальше и дальше от аула Сарыбая. Вскоре в степях уже не знали, где кочует Карабай со своими табунами в девяносто тысяч лошадей.

А он прошел в степи Сарыарки, в золотые степи казахской земли, дошел до Семей, но не нашел там вдоволь трав для своих многочисленных табунов. Тогда он решил идти дальше... Не останавливался Карабай в пути и не давал передышки ни людям, ни скоту. Дошел до верховья благословенного Иртыша, но и здесь надолго не задержался. Двинулся Карабай, гоня свои тучные табуны вдоль белоглавых гор Алатау, побывал в широких долинах реки Кульджи, затем он очутился на равнине близ реки Чирчик — не по душе ему оказались и эти места. Направился тогда Карабай в горную страну Каракол, но не задержался и среди каменистых теснин, где слишком много выпадало дождей и воздух был сырой. Перевели дух сородичи Карабая лишь на побережье реки Сырдарья. Затем снова вышли в путь. Спустя некоторое время Карабай достиг Коканда. Тут сумасбродный Карабай удивил и самых бывалых людей, купив на базаре кушак материи за девяносто лошадей.

— На что тебе столько ткани? — спросили его купцы, довольно потирая руки от неожиданной удачи.

— На портянки, — ответил Карабай.

— Значит, нам придется всю жизнь скитаться по

степи в поисках укромного места? — с горечью сказала ему жена. — Побойся гнева создателя!

Промолчал Карабай в ответ и погнал измученных лошадей еще дальше. По выжженной солнцем пустыне Бетпакдала их путь длился целых сорок дней. Стали падать от усталости жеребята-позднероды, затем стройные стригунки, пришел черед кобылицам, потерявшим силы в бескрайних просторах.

— Бежал от людей, несчастный корыстолюбец! — ругала Карабая жена. — Видишь, всевышний наслал на лошадей падеж, скоро пропадем мы сами. Вернемся в Балталы-Баганалы, пока живы. Опомнись, Карабай!

Опять промолчал в ответ Карабай, сел на белого скакуна и распорядился ехать дальше, пришел он в безводные степи, теряя скот, и погнал табуны в долину реки Чу.

По степи шла молва о сумасбродстве жадного Карабая, у которого растет дочь Баян удивительной красоты.

Услышал потомок калмыцких батыров Кодар о беде, которая приключилась с сумасбродным богачом Карабаем в безводной степи, и пустился вслед, чтобы предложить тому свои услуги. Нашел он богача среди такыров и песков близ реки Чу и предложил свою помощь, если взамен Карабай отдаст ему в жены свою единственную дочь Баян.

— Сам всевышний направил тебя по моим следам! — обрадовался Карабай ему. — Сохрани мне табуны, выведи в места, богатые травой и водой. И я отдам тебе свою дочь, не требуя калыма.

— А как мне отличить от правды ложь? Говорят, богач Карабай не скупится на обещания, да не всегда торопится их исполнить.

— Для недруга я — высохший арык, а для друга — полноводный родник! — завертелся вокруг могучего всадника Карабай. — Спаси табуны — бери себе Баян.

— Ну что ж, ловлю тебя на слове, аксакал, — улыбнулся Кодар. — И я не привык разбрасываться словами.

Предложил он Карабаю гнать табуны за ним, сам

взял восемь огромных бурдюков, две лопаты да два крепких кетменя и стал по пути рыть колодцы. День и ночь рыл колодцы Кодар в безводной степи: одни колодцы водой подземной наполнялись, другие он сам наполнял водой, привозя ее в бурдюках. Трудился Кодар в поте лица, совершая один то, что было не под силу и сотням отборных рабов. Пала под ним кобыла, он ходил пешком, взвалив на себя тяжелые бурдюки,— таскал воду. Сбил Кодар сапоги, босиком ходил по степи, волоком таща полные водой бурдюки,— делал свое дело. Продырявились бурдюки, разлетелись на куски кетмени, из пальцев кровь сочилась,— никто не услышал от Кодара ни слова жалобы.

Напоил Кодар табуны, вывел их из безводной пустыни и потребовал у Карабая обещанное.

— Я выполнил твое условие, Карабай, выполни и ты мое условие — отдай мне свою дочь Баян.

— Для недруга я — безводный арык, для друга — полноводный родник! — засуетился Карабай. — Я не отступлюсь от своего обещания, добейся теперь согласия Баян.

Попробовал было Кодар заговорить с Баян, но не смог добиться взаимности. Девушка отказала ему.

— Найди мне, как обещал, привольные пастбища, Кодар,— успокоил его скупой Карабай. — И Баян, позерь мне, будет твоей!

Делать нечего, Кодар стал собираться в дальний путь, полагая, что со временем уломает упрямую Баян. Он души в ней не чаял и был готов ради Баян терпеть все унижения, которые способен придумать сумасбродный Карабай.

Тринадцать лет прошло с той поры, как аул Карабая покинул степи Балталы-Баганалы, устала жена Карабая от беспокойной жизни и однажды рассказала Баян все без утайки: и о клятве, которую ее отец дал Сарыбаю, и о неожиданной смерти Сарыбая, и о ее нареченном Козы Корпеше.

— Рано или поздно Козы Корпеш отыщет тебя,— говорила женщина дочери. — Ты узнаешь его по необычной примете — золотому чубу на голове. Отец

твой отступился от клятвы, но детям дано исправлять ошибки родителей.

— Обещаю тебе, что останусь верна отцовскому завету,— волнуясь, отвечала Баян матери.— Буду ждать Козы Корпеша, буду ждать дня, когда исполнится обет отца.

Ей был противен грубый и властный Кодар, без стеснения предъявлявший на нее свои права, и она в свою очередь поделилась этими мыслями с матерью.

Баян уже исполнилось четырнадцать лет, и была она такой дивной красоты, что люди звали ее не иначе, как Баян-слу, что означало красавица Баян. Стройна, как тополь, гибка, как камышинка, выросла Баян-слу весела, как птичка в небе, нежна, как полевой цветок. Волосы ее были темней самой темной ночи, глаза светились ярче самого ясного майского дня, губы были алыми, как весенний тюльпан, зубы ровные, белые, как морской коралл.

Вздыхали джигиты, завидев Баян-слу, теряли сон и покой. Она покорила всех от мала до велика; люди не сводили с нее восхищенных взглядов, и в ауле, где она весело резвилась среди близких подруг, и в степи, когда она выезжала на прогулку на резвом статном коне, украшенном дорогой сбруей, и в гостях, где она блистала в нарядах, расшитых золотыми узорами. Съезжались отовсюду джигиты, чтобы хоть раз взглянуть на прекрасную Баян-слу, одни затевали в ауле состязания, чтобы показать девушке свою удаль и силу, другие пытались покорить ее сердце певческим даром, талантом импровизатора, виртуозной игрой на домбре. Богатые давали за Баян-слу баснословный калым, батыры клялись завоевать страны и земли и преподнести ей в подарок.

Ровна была со всеми Баян-слу, вежлива и спокойна, не смущалась перед степными владыками, не роняла достоинства беззащитных. Умела вовремя метким словом осадить чванливых, умела добрым словом поддержать слабых и робких.

Однажды встретились вблизи аула Карабая девяносто славных джигитов, покинувших свои дома в на-

дежде получить руку Баян-слу. По девяносто дорогам пришли они, преодолев в пути немало преград: девяносто племен представляли они, и были один лучше другого. Умом и отвагой всевышний не обделил никого из них, и потому они решили между собой, что испытуют судьбу в честной борьбе. Прослышал про них Кодар, обрушился на них, словно неистовый буран, разбросал их в разные стороны. Потом, размахивая дубиной, согнал их в кучу:

— Карабаю нужны пастухи! Будете помогать мне пасти табуны и стада!

Нежданно-негаданно приобрел скупой Карабай девяносто рабов, готовых служить ему денно и ночью лишь за то, чтобы хоть иногда видеть прекрасную Баян.

Ни одним словом Баян не упрекнула славных джигитов, но и не предпочла ни одного из них.

И вновь летели по степи песни о Баян-слу, о том, что она прекрасна не только обликом, но и душой, что стремления ее чисты и благородны. Со временем даже место, где стоял аул Баян-слу, в народе стали называть ее именем. Эта долина — Баян-слу, эти колодцы — Баянсу, эти горы — Баянтау. Ветер рождался и, казалось, напевал ее имя, звезды золотые загорались и гасли, и всем казалось, они ткут на небе золотом имя прекрасной Баян, солнце поднималось и опускалось, и всем казалось, что вечное светило наполняет теплом имя Баян-слу; травы шелестели и шептались, и в их шепоте всем слышалось девичье имя, цветы отцветали, не успев огрубеть, словно бы соперничая с юностью Баян-слу.

Помрачнел Кодар, видя, как много в степи охотников за рукой и сердцем Баян-слу. Его теперь звали в ауле Кодар-кулом за то, что он добровольно обрек себя на положение раба у Карабая.

Темная душа была у Кодар-кула, а сердце черствое, как пустыня, не познавшая благодатных дождей. В нем вдруг проснулись хитрость, зависть и упрямство. Богатство аулов росло с каждым днем, а Кодар-кулу все было мало; вокруг было полно красивых девушек, а Кодар-кулу непременно хотелось заполучить в свою

юрту Баян-слу. Боялся он, что кто-нибудь из джигитов придется по душе девушке, и стал раздражителен, криклив, ругался со всеми.

Но более всего опасался он того, что однажды объявится Козы Корпеш — нареченный Баян-слу, о котором он был хорошо наслышан от родственников Карабая, поэтому решил побыстрее откочевать к реке Аягуз.

В ночь перед откочевкой Баян-слу вышла из аула в широкую степь и поведала звездам о своих чувствах: дорог стал девичьему сердцу Козы Корпеш, хотя она ни разу не видела его, полюбила она жениха, живущего в неизвестном краю. И заплакала вдруг девушка от непонятной тоски и ожидания встречи с любимым.

Ранним утром, когда трава блестела от росы, аул снялся с места и двинулся к реке Аягуз.

Баян ехала во главе караванов и украдкой от Кодаркула, не спускавшего с нее глаз, оставляла по дороге свои любимые украшения.

На горе, которую они проезжали, Баян-слу бросила свой любимый гребень. Гора та и поныне называется Алтын Тарак — золотой гребешок. В другом месте, среди густой зеленой травы, которая покрывала всю степь, девушка вынула из волос золоченное перо — каркара — и воткнула в землю. Это место до сей поры зовут Каркаралы. Еще на одной равнине она обронила красный пояс, и та равнина стала называться Кызыл-Белбеу. Реку Шидерли зовут так ныне степняки потому, что на берегу ее она оставила конские путы — шидер. Баян верила, что Козы Корпеш будет искать ее, и решила помочь ему быстрее напасть на ее след, оставляя свои приметы.

Кочевье достигло реки Аягуз, и Карабай решил остаться здесь навсегда: понравилась ему местность густым травостоем.

Баян-слу выходила в степь и глядела на тучи, плывущие в небесной дали, всматривалась в белую дорогу, лежащую посреди степей, слушала шепот трав некошенных, вслушивалась в песню дальних ветров. Но напрасны были ожидания Баян-слу.

Тучи были горды и плыли по ветру, дороги лежали накатанные, но мертвые, шепот летних трав был неясен, они вызрели, ветры бродили усталые, из дальних стран, им не было дела до тоски-печали несчастной Баян-слу.

— Когда ты мне скажешь свое слово? — потребовал однажды у девушки ответа Кодар-кул, подъехав на сером скакуне, которого он выбрал в табунах Карабая. — Никто не будет любить тебя так преданно, как я. И твой отец обещал мне отдать тебя в жены.

— Ты, Кодар-кул, могуч и ловок, да только не лежит к тебе моя душа. Ты упрям и своенравен, не ходишь на поводу у других, да только не дождаться тебе слов любви. Ты отважен, ничто тебе не страшно, но ты не знаешь боли сердца.

— Ну что ж, — угрюмо промолвил Кодар-кул. — Ты живешь чувствами, но не познала лиха. Мне пришлось хлебнуть его сполна за всех вас. Я, Кодар, спас твои табуны в безводной пустыне, а теперь защищаю от врагов. Зимой я мерз, спал в снегу, летом изнывал от жары, чтобы приумножить твое богатство. Ты росла, как цветок, но оттого, что я жил глотком тухлой воды. Ты выросла, как белая лебедь, но оттого, что ложе мое было из жесткого снега!

— Не лежит сердце певчей птички к беркуту жестокому, Кодар-кул.

— Я не Кодар-кул! — вскричал джигит. — Я не раб! Я — Кодар! Не пытайся унижить меня! Таков ваш род, — сами не умеете отстоять себя, но убиваете того, кто возвышает вас! Такие вы... Знай, у меня душа свободна, как птица. И я мог давно уйти от вас, но я поклялся твоему отцу Карабаю служить верой и правдой!

— Перестань! — со слезами на глазах остановила его Баян-слу. — Я боюсь твоих слов! Не о жизни они! Не о нас с тобой. Не может голубка любить коршуна степного.

— Орла, а не коршуна!

— Ты как могучий дуб, Кодар, я — былинка в поле. Я увяну от твоей ласки. Уйди с моей дороги, так будет лучше...

Баян-слу убежала в свой шатер, не в силах выдержать разговора с Кодар-кулом.

На новом месте Кодар-кул совсем опьянел от мысли, что теперь ему наконец-то удастся завладеть наследием рода; стал преследовать Баян-слу своими требованиями выйти поскорее за него замуж. «Выйдет за меня красавица, и баснословное богатство аулов Карабая навсегда перейдет в мои руки,— рассуждал Кодар-кул.— Чего еще мне надо? Жена — первая красавица в степи, дом полон достатка, пастбища не вмещают табуны и стада... Вот сломить бы упрямство Баян-слу, завоевать бы сердце гордой красавицы, заключить ее в свои объятия...»

Стал настойчивее Кодар-кул в достижении своих желаний: то убеждал Баян-слу в своей преданности, то насмехался над ее тщетным ожиданием Козы Корпеша, то вымаливал ее согласия со слезами на глазах, а то срывался на крик, и в злых словах его звучала потаенная угроза.

А от нареченного Баян-слу — Козы Корпеша — не было вестей.

* * *

Козы Корпешу исполнился всего год, когда Карабай увел свой аул в неизвестные края. Рос Козы Корпеш быстро, словно туча в синем небе. В два года он уже не плакал, когда был голоден, в три года бегал среди юрт беззаботным мальчишкой, в четыре года не успокаивался до тех пор, пока не добивался своего. В возрасте пяти лет знал Козы Корпеш цену мужскому слову, в шесть ходил в любимцах аула, в семь лет он походил на подростка, а дела и способности выдавали в нем джигита, какого нелегко сыскать в степи.

Строен тополь в предгорьях, но Козы Корпеш вырос тополя стройней; гибок тальник прибрежный, только Козы Корпеш сложен был тальника гибче; зорек взглядом серый волк, да только зорче был юноша Козы Корпеш. Не знал ни в чем поражения юный сын Сарыбая: и на молодецких играх, и на опасной охоте на зве-

рей, и на изнурительных степных байгах, и в жестоких схватках с врагами.

Но так уж водится у джигитов, рано вступивших на мужскую стезю: наступил час, когда Козы Корпеш затосковал по неизведанному детству.

— Я знаю, каждому в этой жизни дано свое,— обратился он к матери.— Так, видно, на роду написано было: рос я один у тебя. Но посоветуй мне, где найти товарища для игр?

— Я не вижу тебе ровни,— задумалась старая женщина.— Мне бы хотелось пожелать тебе веселых игр, но на тебе лежит забота о нашем доме. Да и где мне найти тебе товарища, если не дал тебе всевышний родного брата?

— Тогда позволь мне поиграть с плешивым Тазшой?

— Иди поиграй. Только не показывай на несчастном свою силу.

Стал играть Козы Корпеш с плешивым пастушком в альчики, обыграл его в два счета. Обиделся пастушок на Козы Корпеша, потребовал обратно свою проигранную битую и, видя, что его слова остались не услышанными, горько заплакал:

— Чем обыгрывать меня, лучше бы нашел, несчастный, свою нареченную!..

— Какую нареченную, Тазша? Повтори, что ты сказал?

Козы Корпеша поразили слова Тазши. Он потребовал разъяснений, но пастушок, испугавшись, замолчал. Ни угрозы, ни просьбы Козы Корпеша не поколебали Тазшу: он словно воды в рот набрал. Не знал, не ведал Козы Корпеш о том, что в ауле запрещено было говорить ему о давней клятве Карабая и Сарыбая.

Злой и огорченный возвращался домой Козы Корпеш и нечаянно зацепил ногой пряжу, которую у юрты пряла старуха.

— Что ты наделал, проказник?— рассердилась старуха, полагая, что джигит умышленно порвал ее пряжу.— Чем баловаться и бездельничать, лучше бы сел на коня да отыскал свою невесту.

— Какую невесту, бабушка?

— Свою невесту, какую еще!— Но тут старуха спохватилась, попыталась обернуть разговор в шутку.— Пора тебе выбрать невесту, а не в асыки играть с мальчишками, вот о чем я говорю!

— Нет, говори то, о чем ты хотела сказать, бабушка! Вы все что-то скрываете от меня. Я не отстану от тебя, пока ты не расскажешь мне обо всем без утайки. Говори!

— Ничего я не скрываю! Оставь меня, милый, в покое!..

Но от Козы не так-то просто было отделаться, и старуха отослала его к матери, мол, пусть она сама откроет тайну.

Домой Козы Корпеш зашел чернее черной тучи. Взглянула мать на сына и испугалась его вида.

— Что с тобой, сынок? Что приключилось? На тебе лица нет.

— Тазша сказал мне о моей нареченной, старуха посоветовала мне найти свою невесту.

— О всевышний! За что же вы, люди, так обошлись со мной, несчастной?— заплакала она.— Нет у тебя невесты, сынок, люди болтают понапрасну.

Козы Корпеш убедился, что в ауле так просто ему всей правды не добиться. Он сделал вид, что поверил словам матери, а потом попросил ее приготовить ему любимое кушанье — жареную пшеницу. Мать обрадовалась его просьбе, думая, что сын перестал думать о невесте. Когда пшеница поджарилась, юноша попросил подать ему горсть зерна и, улучив момент, крепко сжал в своей руке руку матери.

— Скажи, мама, кто моя невеста и где она живет?— потребовал он у нее.

— Ой, жжет руку... Отпусти же!— взмолилась мать, но сын был неумолим.— Отпусти, все расскажу! Зовут ее Баян...

Козы Корпеш отпустил руку матери, посадил ее рядом с собой и внимательно выслушал рассказ о неожиданной смерти отца, случившейся во время охоты, об обоюдной клятве двух друзей — Карабая и Сарыбая, о

том, что Карабай не сдержал клятвы, данной другу, откочевал бог весть куда, не желая выдавать свою дочь Баян за сироту Козы Корпеша.

Задумался Козы Корпеш над удивительным рассказом. С тех пор как разошлись пути аулов Карабая и Сарыбая, прошло четырнадцать зим и четырнадцать весен,— и неизвестно, в какой стороне живет его невеста Баян. Жива ли она, здорова ли? Не собирается ли выйти замуж за другого, не ведая о том, что сосватана за Козы Корпеша? Она может не знать о давней клятве их отцов. А если она знает о Козы Корпеше, ждет его и помнит своего незадачливого жениха недобрым словом? Что скажут о нем люди, если он уступит невесту другому? Он прослышет трусом и никчемным человеком. Юноша собрал аксакалов и стал держать с ними совет.

— Было бы неразумно искать невесту, которую ты ни разу в своей жизни не видел,— сказал бий Тайлак, выслушав горячий, сбивчивый рассказ Козы Корпеша.

— Мы найдем тебе красивую невесту в родных краях, милый Козы Корпеш,— подхватили слова бия аксакалы.

— Поступок Карабая оскорбителен для меня,— ответил им Козы Корпеш.— Да и годится ли джигиту уступать свою невесту другому?

Кликнул Козы Корпеш своих сверстников, попросил у них совета, но те все оглядывались на аксакалов и не дали вразумительного совета.

Пригласил тогда Козы Корпеш в юрту девушек, попросил у них совета.

— Джигит стареет со словом «девушка» на устах,— ответили те, потупя взоры.— Всю жизнь он ищет себе достойную пару. Тебе Баян сосватали со дня рождения. Может, лучше твоей Баян тебе и не найти.

— Вы правы, милые девушки!— улыбнулся Козы Корпеш.— Объеду всю степь, но разыщу свою Баян.

— Деда наши говорили: пойдешь на поводу женщины, сломаешь себе шею, пойдешь на поводу чувства, потеряешь разум,— попытались остановить его аксака-

лы.— Не слушайся женского совета, милый Козы Корпеш.

— Не поеду за Баян, потеряю честь мужскую. Чем же я тогда сам буду отличаться от женщин?

— Судьба Баян находится в руках Кодара, сынок!— ответил ему бий Тайлак.— Был он богатым грозным и могучим, стал рабом он, прослыл коварным и жестоким. Тебе не одолеть его, Козы Корпеш.

— Вы убиваете мою решимость, чтобы добил меня раб Кодар?— возразил Козы Корпеш.— Не уступлю Баян Кодару. Лучше принять смерть от руки раба, чем отдать ему свою нареченную.

— От людей судьба сокрыта, о ней знает лишь всевышний,— грустно усмехнулся бий Тайлак.

— Но Кодар стоит на твоём пути, спор с ним миром не решишь, милый Козы Корпеш,— продолжили мысль бия аксакалы.

— Ну так пусть он дрожит за свою шкуру!

— Люди глухи к мольбе незнакомца,— напомнил юноше бий Тайлак.

— Раб Кодар там будет дороже тебя, пришлого батыра,— поддержали бия аксакалы.

— Меня не напугать, не остановить вам, аксакалы!— стоял на своём Козы Корпеш.— Я начало ваше, поэтому упрям, но моя жизнь — не повторение вашей. Благословите меня в путь!

Замолчал мудрый бий Тайлак, а за ним примолкли аксакалы, побежденные неукротимым духом Козы Корпеша. Они умели вести по тернистому жизненному пути людей, себе подобных, но никогда не становились сами на пути тех, кто отмечен высшим знаком.

— О, сын, единственный на всем свете!— заговорила теперь мать Козы Корпеша, горько рыдая.— Как же ты хочешь пройти путь, разделяющий наши аулы? Четырнадцать лет тому назад откочевал из наших степей Карабай.

— Четырнадцать лет буду идти до его аула, но отыщу я свою Баян,— ответил Козы Корпеш.

— Слезы мои разольются широким озером. Как ты хочешь перейти через него, мой сынок?

— Если слезы твои разольются озером, перейду я через него, построив мост.

— Тебе преградят путь неприступные горы, мой сын.

— Что ж, прорублю дорогу в них я саблей.

— Тебя встретят сорок свирепых волков, рыскающих в печально-пустынном мире. Как ты хочешь пройти через них? Тебя встретят сорок голодных волков, рыскающих между аулами? Как ты хочешь отделаться от них?

— Сорок волков печально-пустынного мира сразят мои стрелы в сорок полных пядей, — уверил мать Козы Корпеш. — По сорока волкам суетно-людского мира плачут мои стрелы в сорок неполных пядей.

— О сын мой, единственный на свете! В девяноста долинах, поросших зеленым камышом, не вмещаются твои табуны... На кого ты оставляешь их?

— Что от них толку? После моего ухода врагам пусть достанутся они.

— В тридцати долинах, поросших густой осокой, выпасаются твои отары. На кого ты оставляешь их?

— Какая от них польза? После моего ухода в волчью пасть пусть угодят они.

— На кого же ты оставляешь мать несчастную твою? — привела женщина последний свой довод, зная, как любит ее Козы Корпеш.

— Доверяю тебя создателю, моя мать, — вздохнул юноша.

— Мои глаза не увидят тебя больше, — заплакала старая женщина, видя, что не в силах отговорить сына от задуманного. — Я чувствую.. Нет с этой минуты у меня сына... Будь проклята эта жизнь, принесшая моего единственного сына в жертву Кодару. Будь проклят и ты сам, мой сын, заведомо идущий на погибель... Будь проклята и ты, красавица Баян...

— Принимаю твои проклятия за благословение, моя мать, — печально поклонился в ответ Козы Корпеш.

— Пришлось мне долго ждать, сынок, пока явился ты на свет...

— И вскормила ты меня своей грудью, чтобы я жил на свете, а не лежал в могиле. Моя сабля отныне мне защита, мама. На какого же коня мне садиться, чтобы с Баян вернуться в дом родной?

— На того, который взглянет на тебя, мой любимый сын! Он станет твоим другом в пути.

— Дорога́ мне отцовская клятва, предсказавшая наши судьбы. Моя честь за нее в ответе. Хочу вместе с Баян вернуться в родной дом!

— Звякни уздечкой в табуне, и стригунок один взглянет на тебя. Неказистый стригунок Козы Куркен, похожий на темно-серого ягненка.

Взял Козы Корпеш уздечку, вышел в степь, и табунщики прогнали мимо молодого хозяина тысячи лошадей. Прошли стороной скакуны, а взглянул на него лишь неказистый темно-серый стригунок Козы Куркен. С сожалением проводил взглядом юноша быстроногих скакунов, набросил курук на стригунка, и тот вмиг превратился в озорного двухлетку — тай. Накинул Козы Корпеш на него серебряную уздечку и увидел перед собой стройного трехлетку — кунан; вскочил на него Козы Корпеш — под ним заплясал норовистый четырехлетка — донен; едва тронул поводья — вздыбился на дыбы пятилетний бесты; прицепил Козы Корпеш к поясу крутогнутый лук — все увидели под джигитом сказочного аргамака полных шести лет. Вздыхнул тогда с облегчением Козы Корпеш, видя, что обрел себе крылья, и попросил всевышнего поддержать его на трудном, но праведном пути.

И остались позади родные белые юрты, не стало слышно напутственных слов мудрых аксакалов, вскоре ветер заглушил громкие рыдания безутешной матери. Аргамак стремительно вынес своего седока в широкую седую степь.

На исходе дня дорогу Козы Корпешу преградило широкое светлое озеро. Путник преодолел его, построив мост.

Снова помчался вперед темно-серый скакун Козы Корпеша, распластавшись в безудержном беге, но едва покрыла нена грудь коня, как наперерез ему бросилась

стая из сорока голодных волков, рыскавших между аулами. Козы Корпеш отделался от них, поразив волков стрелами в сорок неполных пядей.

Мчится дальше Козы Куркен, но не успели потемнеть от пота бока его, как перед ним возникли высокие мрачные горы. Ни тропы в них, ни ущелий,— не взобраться пешим по отвесным стенам, не перемахнуть на коне через скалы. Козы Корпеш прошел скалы, прорубив себе дорогу саблей.

Снова помчался Козы Куркен, вошел в ритм дальней скачки. Уже не стали попадаться в пути богатые аулы, исчезли юрты бедных пастухов, пошли дикие места, а затем пришел черед безводной пустыни. Это была пустыня-твердь, не знающая ни дождя, ни ветра; не летали над ней птицы и не водились в ней звери; не росла на этой богом проклятой земле трава, не звенел под копытами живым звуком камень. И тут неизвестно откуда вдруг возникли сорок свирепых волков безлюдного края и молча устремились за путником. Они неслись, словно призраки, неслышно и быстро, и Козы Корпеш ушел от них, поразив зверей стрелами в сорок добрых пядей.

Сорокадневный путь прошел Козы Корпеш, прежде чем преодолел мертвую пустыню и вышел к местам, в которых можно было уловить признаки жизни. Спустя еще несколько дней пошли приметы обжитой степи, и однажды Козы Корпеш, ехавший от усталости словно во сне, увидел вдалеке одинокую человеческую фигуру. Конь прибавил ходу и вскоре можно было разобрать, что на холме сидит дряхлая сгорбленная старуха. Козы Корпеш подъехал к ней и, приложив руку к груди, приветствовал старуху.

— Куда держишь путь, сынок? Куда спешишь?—справилась старуха, зорко глядя на Козы Корпеша.— Конь под тобой, я вижу, загнанный, а сам исхудал вконец.

— Издалека я еду, мать. Не скажешь, чей аул я повстречаю в пути?

— Кто ты будешь, сынок? Что ищешь?— снова спросила старуха не сводя тусклых глаз с Козы Корпе-

ша. — Самолюбие твое, я вижу, уязвлено, а душа израна.

— Ищу счастье свое, а, может, беду. Не подскажешь ли мне, как найти аул Карабая?

— Зачем тебе этот скряга? Сойди с коня и поведай мне, старой, о себе, сынок!

— Конь мой устал, а силы мои на исходе, мать! Покажи мне, как проехать в аул Карабая.

— Не спеши, сынок! — Старуха качнула головой. — У тебя есть еще время, чтобы одуматься. Повернешь назад — и сам останешься жив, и коня не потеряешь.

— Терпение мое не беспредельно, мать! — нахмурился Козы Корпеш. — Скажи, есть ли у Карабая дочь по имени Баян?

— Карабай, похоже, затмил тебе весь белый свет. — Старуха снова пристально взглянула на джигита.

— Мой конь переведет дух лишь у юрты Карабая. — Юноша повторял это имя, как заклинание, видимо, чтобы подстегнуть себя и не пасть духом. — Он оскорбил мое достоинство, и я должен отомстить ему.

— Слава всевышнему, я дождалась тебя! — старуха удовлетворенно закивала головой. — Отомсти ему и за меня, сын Сарыбая! Когда родилась твоя Баян, я сообщила Карабаю эту радостную весть, а он отблагодарил меня жестокими ударами камчой. С тех пор у меня отнялись ноги... Посмотри вон туда! — Старуха повела костлявой рукой в сторону и вперед. — Там, вдали, чернеют огромные бугры.

— Это джайляу Карабая?

— Нет, это стада Карабая, сынок. Проедешь стада и увидишь одинокий черный мазар¹.

— За ним и находится аул Карабая?

— Нет, за ним лежит озеро Аягуз, сынок. Переплывешь его на самодельном плоту. Вот тогда и увидишь аул своего врага Карабая.

— Мать, помогла ты мне одолеть путь до аула Карабая. Не подскажешь ли ты, каким образом мне одолеть теперь самого Карабая?

¹ М а з а р — надмогильное построение.

— Остерегайся не Карабая, а коварного раба Кодара, сынок. У него под рукой девяносто рабов, способных на все.

— Не пристало мне бояться какого-то раба Кодара,— улыбнулся Козы Корпеш.— Сохрани меня всевышний от других напастей.

— Тебе не взять Баян силой, призови на помощь хитрость.

— Не умею хитрить, мать. Не научен этому искусству. Хитрость, учили меня, недостаток ума.

— Наивные люди учили тебя премудростям жизни!— рассмеялась старуха.— Я говорю, не показывайся врагам таким, каков ты есть, сынок.

Старуха стала убеждать Козы Корпеша не раскрывать перед Карабаем себя, и юноша, поразмыслив, решил следовать ее совету.

Оружие и доспехи он спрятал в небольшой пещере, сам переоделся в лохмотья, на голову натянул бараний пузырь, вывернув его наружу и превратился в плешивого жалкого нищего, в котором даже родная мать не признала бы Козы Корпеша. Изменился и Козы-Куркен, повесил голову, захромал на переднюю ногу, превратился в самую что ни на есть клячу. Добрался Козы Корпеш до аула Карабая, сошел с клячи, подошел к Карабаю, вежливо поздоровался, прижав обе руки к груди, и попросил бая приютить его у себя. И сам юноша и его конь выглядели так жалко, что Карабай предложил юноше самому выбрать работу по своему усмотрению. Юноша смиренно поблагодарил Карабая за доброе сердце и вызвался пасти овец, если его будут кормить и одевать. Приставил Карабай нового пастуха по имени Котыр-таз, что означает «паршивый», к отаре овец, а сам вернулся домой и с радостью сообщил домашним, что ему повезло с пастухом, не требующим вознаграждения за свой труд.

Шесть месяцев пас Козы Корпеш овец и ни разу ему не удалось остаться наедине с Баян, чтобы открыться ей и поговорить начистоту.

Однажды летом аул Карабая перекочевывал на джайляу у озера Тели. Баян-слу ехала на иноходце в

сопровождении подруг, когда ей сообщили, что ломал ногу ее любимый ягненок, с которым она любила поиграть на досуге. Баян-слу приехала к отаре и с огорчением стала упрекать Котыр-таза за нерадивое отношение к делу. Она осмотрела своего любимца, перевязала ногу платком, потом снова села на иноходца и велела подать ягненка ей в седло.

— Покажу его Кодару, может, он поставит его на ноги, — огорченно проговорила она. — А ты, Котыр-таз, не попадайся мне больше на глаза. Я рассержена на тебя.

И так она была прекрасна в своем девичьем гневе, что Козы Корпеш потерял самообладание и ущипнул ее за правое бедро. Еще больше осердилась Баян-слу за дерзость, которую позволил себе паршивый пастух. А он с улыбкой слушал ее слова и откровенно любовался девушкой.

— Не ругай ты меня, милая Баян, — сказал юноша ей мягко. — Лучше поведай мне, за кого сосватана ты отцом?

— Какое твое дело, бессовестный паршивец, сосватана я или нет! — Она знала о клятве, которую когда-то ее отец дал Сарыбаю, но не хотела вести разговор об этом с безродным нищим пастухом. — Мне об этом ничего не известно.

— Ну так поезжай домой и узнай от отца, кто твой жених.

В сильном волнении поехала Баян-слу домой: вот уже второй раз она слышала о своем нареченном. И на этот раз об этом ей говорил совсем чужой человек. Ей было досадно от того, что она не знает, где сейчас находится Козы Корпеш. Не стала она спрашивать отца — знала, что он все равно не скажет ей ничего об ауле Сарыбая. Родственники все как один скрывали от нее правду, потому что боялись гнева Кодара, мечтавшего жениться на Баян-слу.

Прошло еще несколько дней, и Козы Корпеш, чувствуя, что, будучи пастухом, не добьется своей цели, перешел в табунчики. Он решил держаться поближе к Кодар-кулу.

Девяносто рабов, предводимых Кодаром-кулом, за лето едва могли собрать в одном месте девяносто тысяч лошадей Карабая. А Котыр-таз выехал в степь и в первый же день пригнал к аулу всех лошадей. Крикнет он зычным криком, косяки спешат держаться поближе друг к другу, взмахнет куруком, табуны сбиваются в кучу. Помрачнели могучие рабы, познавшие до тонкостей ремесло табунщика, видя, как легко обставил их Котыр-таз; повеселел Карабай, убедившись, что не прогадал с плешивым бродягой: теперь его табуны будут в надежных руках. И вовсе удивились все в ауле, когда Котыр-таз кулаком вбил в землю колья, на которые крепятся жели¹.

В ауле теперь только и говорили о необычайной силе Котыр-таза. Удрученные этим досадным обстоятельством, рабы задумали проучить Котыр-таза, новоявленного табунщика, чтобы он не вздумал задирать перед ними носа. Видно, упали духом некогда славные джигиты, потеряли покой. Как-то, направляясь в степь к табунам, они решили померяться силой в молодецкой игре: кто кого стащит с коня и бросит на землю. Понял Козы Корпеш, ради чего они затеяли эту игру и разбросал по одному девяносто рабов по степи в разные стороны. Осталось ему схватиться лишь с самим Кодаркулом, слывающим в аулах человеком необычайной силы и редкой жестокости. Схватил Козы Корпеш своего соперника поперек пояса, стащил с коня и бросил в степную речку. Кодар-кул едва не захлебнулся в воде, с трудом выбрался на берег.

Разозлились рабы на собственное бессилие и решили попытать счастья уже в поясной борьбе. Повалил их всех Козы Корпеш, сложил в большую кучу, поверх тел девяноста рабов бросил самого Кодаркула и придавил их всех сверху своим телом.

Раздались сдавленные крики и глухие стоны. Кодар-кул, которому досталось больше всех, стал умолять своего соперника отпустить их.

— Ты сломаешь мне все ребра, отпусти поскорее!

¹ Ж е л ь — привязь для жеребят.

Что мне делать без ребер? Отпусти, я больше не стану задирать тебя, Котыр-таз!

Козы Корпеш напоследок помял его еще немного и поднялся. Теперь, полагал он, Кодар-кул и его приспешники приутихнут и не станут чинить ему препятствий. Кодар-кул долго приходил в себя после схватки. Оглушенный ударом, он не сразу поднялся на ноги, а когда очнулся, понял, что в один миг разбилась его долгожданная мечта жениться на Баян-слу, понял, что вдребезни разбились мечты о баснословном богатстве, которое, казалось мгновеньем назад, было в его руках. Мир перевернулся в глазах Кодар-кула, и решил он во что бы то ни стало избавиться от Котыр-таза, свалившего словно снег ему на голову.

Как-то все жители аула Карабая поехали на свадебный той в аул соседнего богача Сасан-бия. Хвастливый Карабай, как и всегда в таких случаях, взял с собой могучего Кодара с рабами, чтобы они в гостях показали свою силу и ловкость на состязаниях джигитов. Котыр-таз был оставлен смотреть за табунами, ему пообещали привезти угощение из легких и печени, каким обычно кормят рабов. Едва скрылись отъезжающие за ближайшим холмом, как Козы Куркен, ходивший под седлом Козы Корпеша, стал вещать человеческим голосом:

— Удобного случая больше не представится, мой хозяин. Тебе сегодня надо обязательно встретиться и поговорить с Баян-слу.

— Как же мне посоветуешь поступить, мой верный конь?— спросил его Козы Корпеш.— Баян-слу в последнее время замкнулась, живет затворнической жизнью в шатре, специально раскинутом для нее. Только подойди — и прислуга поднимет крик.

— Собери лошадей, пригони поближе к аулу и закрути невиданный в этих местах снежный буран. Баян-слу любит животных, она выйдет из шатра, чтобы спасти лошадей.

Пригнал Козы Корпеш табуны к жели, напустил жестокий силы буран. Поднялась настоящая круго-

верть, вокруг потемнело и не стало видно протянутой руки.

— Вставай, милая Баян!— закричал Козы Корпеш, вбегая в шатер.— Жестокий буран прихватил нас в степи, и я не в силах один спасти лошадей. Помоги мне, если не хочешь оставаться нищей.

Выбежал он опрометью из шатра, увлекая за собой Баян-слу, добрался до жели и тут Козы Куркен изловчился и ударил его копытами прямо по сердцу. Ударил конь копытами Козы Корпеша и слетел с головы юноши присохший к коже бараний пузырь. Сверкнули золотые кудри на голове Козы Корпеша, и тут же стих злой буран, унялся ветер. Обомлела Баян-слу, увидев дорожку сердцу примету, замерла на месте.

— О жених мой желанный!— прошептала девушка, заливаясь румянцем.— Неужели это ты?.. Или мне привиделось?.. Буран среди лета, золотой чуб моего суженого Козы Корпеша...

— Нет, тебе не привиделось, твой жених стоит перед тобой!— Козы Корпеш заключил Баян-слу в свои объятия.—Я искал тебя повсюду, все степи объехал, милая Баян...

— Ты нашел меня... Я уже не надеялась на чудо! Скоро должна состояться свадьба...

— Смотри чья свадьба. Наша с тобой состоится. И очень скоро!

Козы Корпеш поднял свою невесту на руки и вошел вместе с ней в шатер. Весь день они провели вместе, не могли налюбоваться друг на друга, наговориться.

Но иногда на Баян-слу находила тревога, и она шептала на ухо своему любимому:

— Беспokoйно мне что-то, милый мой Козы Корпеш, боюсь я чего-то... Мысль о том, что Кодар-кул не успокоится, пока не разлучит нас, не дает мне покоя. Зря ты простил его, когда вы боролись и он проиграл тебе схватку. Он затаил злобу на тебя.

— Не тужи, моя милая!— отвечал Козы Корпеш девушке, обнимая ее крепко.— Что мне Кодар? Ты же видела, что он дважды был повержен мной. Будет повержен и в третий раз.

— Чует мое сердце, что Кодар-кул подшутит надо мной, как ястреб над жаворонком.

— Тогда над ястребом стрела моя подшутит,— смеялся Козы Корпеш.— Не беспокойся, не тревожь себя понапрасну. Да и Карабай поддержит нас. Ему ничего не останется, как сыграть нашу свадьбу, и мы с тобой, любимая Баян, поедem в родные края. Будем жить среди родных и друзей. Недолго осталось ждать, не изводи свое сердце.

На рассвете запел в юрте любимый жаворонок Баян-слу, и она снова забеспокоилась. Стала уговаривать любимого подняться, ибо боялась, как бы отец не застал их вместе. Но Козы Корпешу не хотелось лишать себя удовольствия полежать в теплой постели, от которой он отвык за зремя, которое не был дома. Не хотелось ему разлучаться с Баян, ради которой он перенес невероятные тяготы и лишения. Да и самой Баян-слу в душе не хотелось, чтобы Козы Корпеш оставил ее одну, и она не стала настаивать.

Кодар-кул словно почувствовал недоброе. В самый разгар тоя он стал собираться домой. Положил в мешок угощения из легких и печени для Котыр-таза, взгромоздился на серого жеребца, ударил его камчой-восьмиpletкой. Прискакал он в аул и с ужасом узнал от тетки Баян-слу, что девушка лежит в своем шатре в объятиях Котыр-таза. Почернел от гнева и обиды Кодар-кул. Швырнул на землю мешок с мясом, огрел коня камчой со всей силы и, не помня себя от горя, поскакал назад в аул Сасан-бия.

— Ты тут пируешь, Карабай, и не ведаешь о своем позоре!— вскричал он громко, добравшись до хозяина.— Твоя дочь Баян-слу лежит в объятиях паршивого пастуха. Обманул ты меня, Карабай.

Вскочил на ноги Карабай, изрыгая проклятья и потрясая кулаками, сел на коня и в окружении свиты помчался в аул. Собрал людей, накричал на них, а потом стал держать совет со своим окружением. И решил он пригласить Котыр-таза в гости, напоить его отравленным вином, а потом убить руками Кодар-кула.

Догадалась Баян-слу о затее отца, как только Ко-

тыр-тазу передали приглашение Карабая. Сшила она небольшой кожаный мешочек, который Козы Корпеш спрятал под одеждой, а отверстие приладил у ворота рубашки. Потом он снова натянул на голову бараний пузырь и превратился в Котыр-таза.

— Станут тебя угощать вином, ты делай вид, что пьешь, а сам сливай его в этот кожаный мешочек, — наказала Баян-слу своему возлюбленному.

Пришел Котыр-таз в гости, стали его все вокруг расхваливать на все лады и угощать вином. Он поступил так, как посоветовала ему Баян-слу: делая вид, что пьет вино, сливал его за ворот. Потом улучил момент и стремглав выскочил из юрты. Два раба, которые сидели по обе стороны двери в ожидании пьяного Котыр-таза, зазевались и вонзили ножи друг в друга. Подбежал Котыр-таз к своему коню, взлетел на него и в мгновение ока был уже далеко за аулом. Неказистого темно-серого коня Тазши нельзя было узнать, в одно мгновение он превратился в настоящего аргамака. Погоня вскоре отстала, а потом потеряла следы беглеца и вернулась назад не солоно хлебавши.

Козы Корпеш обосновался вдали от аула в безлюдном урочище Шок-терек. Он был раздосадован собственной беспечностью, жалел, что недооценил коварства Кодар-кула. Но больше всего он переживал за судьбу незащитной Баян-слу, которой предстояло сносить всяческие оскорбления родичей. Теперь Козы Корпеш убедился в правоте слов старухи, которая предостерегала его от Кодар-кула. Чем больше думал Козы Корпеш над тем, что приключилось с ним, тем больше открывалась перед ним картина убогой и мерзкой жизни Карабая, не видящим за богатством ничего святого. Из-за этого богатства он стал клятвоотступником — нарушил обет, данный своему другу Сарыбау, оторвал сородичей от родных мест и заставил их скитаться по диким, безлюдным местам, затем приблизил к себе Кодара, чтобы тот защищал его от гнева людского, обрек на тяжкие страдания Козы Корпеша, а теперь дошел до того, что выставил на всеобщее посмешище единственную дочь Баян-слу.

Кодар-кул, упустив Козы Корпеша, открыто и решительно высказал Карабаю свои притязания на руку Баян-слу.

— Она обещана, кто ее возьмет, кроме меня? — объявил он Карабаю. — Ты обещал ее мне еще в те годы, когда скитался по степи и терял свой скот. Я спас твои табуны, умножил твое богатство, стерег твой покой. И все из-за Баян-слу, которую ты обещал мне. Больше я не намерен терпеть ее капризы.

Кодар-кул склонил на свою сторону всех родственников Карабая. Одних он соблазнил богатыми дарами, других уговорил лживыми речами, третьего припугнул. Приготовления Кодар-кула не на шутку встревожили Баян-слу. Она мучалась, не зная, что случилось с ее любимым Козы Корпешем. В первую пору она радовалась тому, что Козы Корпеш так ловко ускользнул из сетей, расставленных ему Кодар-кулом, и оставил его в дураках. Но она знала, что Козы Корпеш не оставит ее одну в ауле, попытается забрать с собой, а Кодар-кул со своими приспешниками только и ждет, когда его соперник обнаружит себя.

Баян-слу ничего не оставалось, как объявить, что Козы Корпеш подался на родину, и она согласилась выйти замуж за Кодар-кула. Она полагала, что это ее признание притупит бдительность Кодар-кула. Все в ауле поверили ее словам, и лишь тетка Баян-слу, почувствовав какой-то подвох, решила в оба глаза наблюдать за своей племянницей. День и ночь стерегла она Баян, ходила за ней по пятам, ложилась спать возле ее шатра, не сводила с нее глаз даже тогда, когда она ела.

Заметила тетка, что каждое утро, едва забрезжит рассвет, Баян-слу тихо приподнимает полог шатра, и в отверстие залетает ее любимый жаворонок. Птичка садится на плечо девушке и как будто что-то шепчет ей на ухо. Потом жаворонок снова улетал в степь.

У женщины, старавшейся угодить Кодар-кулу, не было сомнений, что жаворонок является вестником между Баян-слу и Котыр-тазом. Она решила поймать птичку и выпытать у нее всю правду. На другое утро она поднялась спозаранку и, когда Баян-слу отпускала

жаворонка на волю, женщина ловко схватила птичку за шею. Видя, что она может оторвать головку ее любимцу, Баян-слу выпустила жаворонка из своих рук, затем выбежала на улицу и со слезами на глазах стала просить тетю отдать ей птичку. Но женщина, предвкусывая скорую удачу, и слышать не желала мольбы племянницы. Она скрылась в юрте и стала теревить птичку и выщипывать у нее перья.

— Я знаю, что ты потомок того самого жаворонка, который предрекал несчастье Сарыбаю!— сердясь все больше, ругалась женщина.— И потому знаешь все. Отвечай, это правда, что под видом Котыр-таза скрывается Козы Корпеш?

Птичка молчала.

— Ты хочешь, чтобы Баян-слу выполнила завет своего отца и навлекла на нас несчастье? Не бывать этому, пока я жива!

Птичка молча сносила мучения.

Женщина снова стала выщипывать жаворонку перья, оголила ему спинку и крылья: птичка молча истекла кровью. И только тогда, когда злая женщина выдернула последние перышки с его темени, птичка жалобно пискнула и испустила дух. Но единственное слово «шок», которое жаворонок прощелбетал, прощаясь с жизнью, пролило свет на тайну двух влюбленных. Женщина зажарила птичку и съела, а потом побежала к Карабаю и выложила ему все, что она узнала. Выложила все, кроме одного, что не Котыр-таз жил у них в ауле, а Козы Корпеш. Видимо, боялась она гнева Карабая.

Карабай тотчас собрал своих приближенных и стал держать совет, но никто не мог объяснить, что означает слово «шок». Тогда богач послал за Кодар-кулом, объезжавшем степи в поисках Козы Корпеша.

Узнал Кодар-кул о том, что произошло в его отсутствие в ауле, прискакал в сопровождении своих приспешников и, не долго думая, объявил всем, что жаворонок не договорил название урочища Шок-терек, где, по видимому, и скрывается Котыр-таз. Карабай распорядился седлать лошадей. Кодар-кула он попросил

возглавить джигитов и непременно схватить дерзкого Котыр-таза.

Добрался Карабай со своими людьми до Шок-терека, смотрит — стоит шатер под высоким тополем, а в нем, раскинув руки, спит джигит. Защемило сердце у старого Карабая. Догадался он, что принял на работу не бродягу Котыр-таза, а доброго молодца Козы Корпеша, за которого когда-то обещал выдать свою дочь Баян-слу. Холодно у него стало на душе от мысли, что от судьбы не убежишь и придется держать ответ за отступничество от своей клятвы.

— Что-то тяжело у меня сегодня на душе, — сказал он, обращаясь к своим приближенным. — Баян — единственное дитя мое, и мне не хочется заставлять ее лить горькие слезы. Возвращайтесь назад, джигиты, пусть случится то, что угодно всевышнему.

— Ты отступил от клятвы, которую дал мне! — закричал Кодар-кул.

— Вода твоя осталась в Бетпакдале, Кодар. А для Баян не найти лучшего жениха, чем тот, кого она выбрала сама.

У Кодар-кула словно перехватило в горле от обмана Карабая.

Повернул Карабай коня и поехал в аул, молча последовали за ним его приближенные, не понимая, что происходит с их всемогущим хозяином. И только Кодар-кул послушался Карабая, отстал от его свиты, решив во что бы то ни стало убить Козы Корпеша.

Спал Козы Корпеш, раскинув руки, и не ведал о том, что над ним нависла смертельная беда. В нем дремала могучая сила, с которой не смог бы совладать никто в безбрежной казахской степи, но спал Козы Корпеш богатырским сном целых четырнадцать дней подряд. Кодар-кул мог спокойно и без боязни подготовиться к черному делу, которое он собирался совершить. Он подошел вплотную к своей жертве, тщательно прицелился из лука и послал стрелу прямо в сердце Козы Корпешу.

Содрогнулось, померкло ясное солнце, будто оно стрелой было ранено, вздрогнул высокий тополь, заше-

лестел глухо листьями, будто не человека, а его самого повергли наземь, взыграли волны на реке Аягуз, окрасились в алый цвет, словно исходя в мучительных предсмертных судорогах, взлетела в небо стая серых жаворонков, закружилась в мрачном хороводе.

Все утро прождала Баян-слу вестей, утро сменилось днем, но никто не показывался на дороге, и она поняла, что на Шок-тереке случилось непоправимое.

— Эй, слуги, седлайте коней!— распорядилась она, едва владея собой.— Девушки, собирайтесь на прогулку! Чем сидеть без дела дома, промчимся ветром по долинам. День хорош, солнце ясно, степь просторна..

Понеслись девушки на горячих конях за аул, помчались степью широкой, направляясь на Шок-терек. Впереди всех неслась на белом, как молоко, скакуне Баян-слу, торопя лихого коня и без того мчащегося словно вихрь.

Не проехали девушки и половины пути, как вдали за клубилась пыль, а затем показались всадники, предводимые ее отцом Карабаем.

— Откуда ты едешь, отец?— спросила его Баян-слу, придерживав горячего коня.— Конь под тобой тяжело дышит, а на тебе лица нет.

— Долго я отказывался, ходил на поводу Кодаркула, доченька,— устало ответил старый Карабай.— Попытался обмануть судьбу. Но сегодня прозрел, доченька.

— Куда же ты ездил, отец? Никогда ты не прислушивался к моим словам, а теперь хочешь увильнуть и от ответа?

— Ездил я на Шок-терек, доченька,— согнулся старик в седле.— Нашел я там Козы Корпеша, и нет конца моему удивлению. Как он сумел найти нас?

— Ты уехал, не удосужившись выслушать меня, отец. С какими глазами теперь покажешься в ауле?

— В Шок-тереке я нашел Козы Корпеша и еду, чтобы объявить о своем благословении моим детям.

— Однажды ты дал его вместе с клятвой и связал навек меня с Козы Корпешем. Разве дважды благословляют свою дочь? Выходит, ты хочешь благословить на-

шу с презренным Кодар-кулом свадьбу?— заплакала Баян-слу.

— Я не вынуждаю тебя выходить за Кодара...

— Почему его нет рядом с тобой? Вы убили Козы Корпеша... Лучше женись сам, отец, на мне, как некогда женился на матери моей! Иди, торопись в аул, скажи, чтобы ставили тебе свадебную юрту!.. Только это и осталось тебе, клятвопреступнику!

Стегнула Баян-слу коня, поскакала дальше. Снова впереди за клубилась пыль и на этот раз на дороге показался Кодар-кул, мчавшийся во весь опор на своем сером скакуне. К луке его седла была привязана голова Козы Корпеша. Подъехал ближе Кодар-кул, швырнул златокудрую голову Козы Корпеша под ноги белого скакуна, в испуге затанцевавшего под Баян-слу.

— Вот, Баян, тебе подарок!— бросил Кодар-кул со злорадным смехом.— Я сегодня проезжал мимо Шок-терек, твой жених выскочил из укрытия и бросился на меня. Бил копьем — не пробил мой щит, взмахнул саблей — промахнулся, а выхватить меч из ножен не успел... Был силен он на бахвальство, а в схватке оказался слаб.

Ничего не ответила ему Баян-слу, губы прикусила до крови, чтобы при враге своем не упасть с седла. Потом, собравшись с силами, спешилась, склонилась над мертвой головой и зарыдала в безутешном горе.

В какой-то миг она пришла в себя, отослала девушек обратно в аул, а сама обратилась к Кодар-кулу со словами:

— Кодар, ты добился своего, теперь мне осталось выйти замуж за тебя, раба. Но прежде чем я дам тебе свое согласие, ты исполнишь мое последнее желание.

— Говори, Баян-слу, я исполню любое твое желание. Долго ты мучила меня, выдержу еще одно испытание.

— Отведи меня в Шок-терек, хочу попрощаться с Козы Корпешем.

— Живые не следуют за мертвыми в мир иной, Баян-слу. Не лей зря слез по Козы Корпешу, если хочешь, чтобы я повел тебя на Шок-терек.

— Хорошо, будь по-твоему, — согласилась она.

Поехали они по знойной степи в урочище Шоктерек. Кодар-кул был безудержно веселым, он предвкушал исполнение своих желаний; Баян-слу была печальна, она чувствовала, что нет в ней больше никаких желаний, холод сковал ее сердце. Чем дальше они ехали, тем больше Кодар-кул терял голову, стал приставать к Баян-слу, домогался ее ласки. Опасаясь, что Кодар-кул вспылит и раздумает показать ей тело Козы Корпеша, Баян-слу разрешила своему спутнику поцеловать ее в щеку через покрывало. Кодар-кул поцеловал ее, и на щеке в тот же миг появилось черное пятно: насколько Баян-слу была чиста, настолько был низок Кодар-кул. Опьяненный близостью Баян-слу, он становился все настойчивее и девушке становилось все труднее сдерживать его.

— Ты можешь не жалеть, что не смогла выйти за Козы Корпеша, — довольно говорил Кодар-кул. — Сама видишь, он оказался из тех, кто не способен постоять за себя, не говоря уж о тебе. С таким мужем ты мыкала бы только горе. Погляди, эта зеленая поляна как будто ждет нас с тобой.

— Подожди, Кодар, не торопись! Тебе не долго осталось ждать своего часа. Сперва проводи меня к Козы Корпешу, я отдам ему последние почести.

— Вон он лежит, твой хваленый Козы Корпеш, — показал Кодар-кул в сторону высокого тополя, показавшегося впереди. — Мне было достаточно одной-единственной стрелы, чтобы доказать свою силу.

— Тогда спешимся у колодца, — предложила Баян-слу. — Я устала и хочу пить. Достань мне воды, Кодар.

— Но колодец глубок, Баян-слу, — сказал озадаченный Кодар-кул. — Я выкопал его, когда однажды гибли от жажды жеребят твоего отца Карабая. Без длинной веревки воды из него не достать.

— Спустишься, держась за мою косу, Кодар. Коса моя длиннее, чем у всех невест в нашей степи. Посмотрю я, так ли крепко ты меня любишь, как уверяешь.

— Когда-то я первым испробовал воду из этого колодца, но не принесла она мне ожидаемого сча-

стья, — усмехнулся Кодар-кул девушке. — Спущусь и достану для тебя воду, может, на этот раз судьба будет ко мне благосклонна.

Коса Баян-слу с вплетенными шелковыми позолоченными нитями и с тяжелыми шолпами на конце свободно доставала до дна глубокого колодца. Ухватился Кодар-кул за косу, исчез в мрачном зеве колодца, набрал воды в шапку и стал подниматься наверх.

Подождала девушка, пока Кодар-кул добрался до самого верха колодца, и отрезала ножом свою косу. Упал Кодар-кул на дно колодца.

— Что ты задумала, Баян-слу? — вскричал Кодар-кул, простирая со дна колодца руки. — Твоя шутка хороша, но здесь темно и холодно. Вытащи меня скорее отсюда. Воды я набрал полную шапку.

— Я шучу точно так же, как ты пошутил недавно стрелой со спящим Козы Корпешем, — ответила ему девушка. — Ты возомнил себя моим женихом, а я выбрала тебе в жены смерть. Оставайся там, пока она не придет за тобой, Кодар-кул.

— Ну нет, не дам вам я жизни! — закричал Кодар-кул, царапая ногтями стены колодца. — Не дам!.. Разъединил я вас при жизни, — разъединю и после смерти!..

Приехала Баян-слу в Шок-терек, нашла тело любимого, приставила к нему златокудрую голову. Вытащила из его груди стрелу, кинула прочь и, закрыв глаза, обессиленно прислонилась к гудящему под ветром стволу одинокого тополя.

Говорят, заколела Баян-слу своего белого, как молоко, скакуна, принесла его в жертву духам предков.

Говорят еще, пошел дождь и зарядил он на целых сорок дней.

Баян-слу тихо пела песни, прерывая их слезами и горячими молитвами.

— Что же ты лежишь, обняв землю, мой милый? — оплакивала она Козы Корпеша. — За тобой пришла Баян, твоя невеста, суженая всевышним... Любовь людская ведь познается в этом мире. Что же ты не поднимаешься на ноги, мой милый?..

Шел дождь, гудел ветер и шелестел листьями одинокий тополь, по которому урочище называли Шок-те-реком.

— Ты рос одиноким сиротой, мой милый,— плакала Баян-слу.— Вышел в путь ради меня, не послушался своих близких... Твоих сил хватило бы на сотню батыров... Как же ты погиб от стрелы ничтожного Кодара, мой милый?

Наступила ночь, утих ветер, засверкали в небе звезды. И в пустой степи маялась лишь одна живая душа — Баян-слу, склонившаяся над телом Козы Корпеша.

— Не поедешь ты в степь на лихом Козы Куркене,— бормотала она, горестно раскачиваясь из стороны в сторону.— Не обнимать мне больше тебя на этом свете. Все померкло, и счастья не видать мне, твоей незадачливой бедной невесте...

Баян-слу молила всевышнего оживить ее жениха хотя бы на самое короткое время, чтобы сказать ему: она отомстила ненавистному Кодар-кулу.

Пришла еще одна ночь, уже неизвестно какая по счету, когда Баян-слу увидела рядом с собой белобородого старца, тяжело опиравшегося на посох.

— О чем так горько плачешь, красавица?— участливо спросил старец у нее.

— Как же мне не плакать, отец? Мой любимый убит вероломной рукой, я же не смогла с ним даже проститься. Хоть бы всевышний услышал мою мольбу и оживил его на три дня, чтобы мы могли налюбоваться друг на друга и умереть вместе.

— Мало просишь, красавица, проси три года.

— Нет, отец, не хочу я больше жизни,— отвечала Баян-слу.— Эта жизнь как осенний день: солнце выглянет на минутку, а тучи плавают годами.

— Тогда проси три месяца, красавица.

— Нет, отец, и трех месяцев мне не надо. Счастье призрачно, как солнце, а горе тучами клубится.

— Тогда проси дважды по три дня, красавица.

— Нет, отец! Мы с Козы Корпешем искали среди людей тепла, а повстречали холодное равнодушие. Трудно жить такой жизнью.

— Ну, пусть будет по-твоему,— сказал печально старик и в тот же миг исчез, растаял в ночном тумане.

Голова Козы Корпеша вдруг шевельнулась, срослась с телом, по всему телу его прошла дрожь, гулко и ровно забилось сердце, и джигит вдруг поднялся на ноги, как всегда веселый и могучий. Влюбленные бросились друг другу в объятия. Три дня и три ночи они были счастливы, а потом Козы Корпеш сказал Баян-слу виноватым голосом.

— Подойди ко мне, моя милая, положи мне под голову мягкую подушку. Что-то обмякло мое тело и клонится к земле.

Положил Козы Корпеш голову на подушку и тихо умер.

Заплакала Баян-слу от тяжести судьбы, наплакалась вволю, поднялась с окаменевшим сердцем. Затем, глядя в сторону невидимого аула, стала прощаться со степью, что в детстве служила ей колыбелью, со своей уютной юртой, где прошло ее безмятежное детство, прощалась с ветром, нежным и ласковым по утрам, а в полдень — игривым и быстрым, попрощалась с зеленой травой и цветами, которыми любила украшать себя. Баян-слу приняла решение уйти из жизни, которая обошлась с ней несправедливо и сурово.

— Я невинна, не знаю за собой прегрешений,— сказала она тихим голосом.— Любила я больше всего жизнь, а стала жертвой людской нетерпимости. Я уйду, чтобы не сбивать больше с пути джигитов, не быть им помехой к счастью. Много горя на этой земле, не хочу, чтобы оно росло из-за меня. Пожалейте, помяните вы свою Баян... Час настал идти мне за милым Козы Корпешем.

Она легла, приставив к груди острый нож и крепко обняла Козы Корпеша.

Через три года набрел на Шок-терек одинокий путник, увидел тела Козы Корпеша и Баян-слу, лежавших, крепко обняв друг друга. Он узнал несчастных влюбленных, погоревал над их останками и совершил над ними последний человеческий обряд: предал их земле. Похоронил их он рядом, но отдельно друг от друга, как

положено по обычаю, совершил над могилами молитву и пошел дальше своей дорогой.

Выросли на тех местах два тополя и сошлись кронами в небе, напоминая издали двух влюбленных, которые бредут по степи, обнявшись друг с другом.

А между ними вырос колючий черный кустарник шенгель, подобие черной души Кодар-кула.

И еще рассказывают в степи, что единственная сестра Баян-слу по имени Ай-Тансык услышала однажды, что Козы Корпеш воскрес и побежала опроретью в сторону Шок-терека. Бежала она, вне себя от счастья, полагая, что теперь любимая сестра непременно выйдет замуж за Козы Корпеша, и она сможет первой поздравить их и пожелать им счастья.

Но не успела Ай Тансык добежать до Шок-терека, как услышала горестную весть о смерти Козы Корпеша. Застыла на полном бегу от горя девушка, превратилась в камень.

Близ светлой реки Аягуз, что, петляя по широкой ковыльной степи, впадает в озеро Балхаш, встретились две юные души по имени Козы Корпеш и Баян-слу, расцвели два нежных степных цветка и увяли безвременно.

И осталась в памяти народной бессмертная, как сама любовь, легенда о Козы Корпеше и Баян-слу.

Для среднего школьного возраста

Козы Корпеш и Баян-слу

Казахская народная лиро-эпическая поэма

Прозаическое переложение
Сатимжана Санбаева

Редактор Б. Муртазаев
Художник Т. Мухатов
Худ. ред. Н. Бубе
Техн. ред. Г. Ахинова
Корректор Н. Жолумбетова

ИБ № 1911

Сдано в набор 12.09.84. Подписано в печать 29.10.84. Формат
60×90^{1/8}. Бумага № 1. Гарнитура школьная. Печать высокая.
Усл. кр.-отт. 3,75. Усл. п. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,3. Тираж 200 000 экз.
Заказ № 1233. Цена 10 коп.

Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской
ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли,
480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических
предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480124,
г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 53.

*Издательство
«Жалын»*

